

УДК 821.161.1–1

Н. В. Володина

<https://orcid.org/0000-0001-9928-3765>

Тургеневский Рудин как философствующий герой

Для цитирования: Володина Н. В. Тургеневский Рудин как философствующий герой // Верхневолжский филологический вестник. 2020. № 3 (22). С. 28–35. DOI 10.20323/2499-9679-2020-3-22-28-35

В романе И. С. Тургенева «Рудин» отчетливо проявилась характерная особенность творчества писателя в целом – обращение к определенным философским системам, имплицитно, на уровне авторской интенции присутствующих в его произведениях и лишь в отдельных случаях открыто заявляющих о себе. Это становится возможным, прежде всего, в высказывании героя, для которого рассуждения по поводу метафизических вопросов является результатом специального образования, свойством ума и способом самовыражения. Именно в этом аспекте в статье рассматривается главный герой первого романа И. С. Тургенева – Дмитрий Николаевич Рудин. Основные задачи статьи – выявление роли философского знания в формировании личности Рудина, а также внутренних связей авторской философской рефлексии и мировоззрения его героя. Решение этих задач потребовало обращения к идеям, методологии философской эстетики М. М. Бахтина, а также работ современных исследователей, посвященных философской природе творчества Тургенева. В статье идет речь о влиянии на мировосприятие и тип поведения Рудина гегелевской философии. Обращение Тургенева к учению знаменитого немецкого философа связано с ролью этого учения в его собственной жизни. Курс лекций, прослушанный писателем в Берлинском университете, способствовал серьезному знакомству с философией Гегеля и увлечению его научным методом. Однако ко времени написания романа Тургенев относится к философскому кумиру своей юности в целом критически. Это определило неоднозначность авторской позиции в оценке миропонимания его героя, сформированного, прежде всего, кругом научных идей спекулятивной философии. Ключевыми концептами языковой личности Рудина являются «истина» и «идеал», выражающие внутренний, духовный поиск этого персонажа. Тургенев видит внутреннюю ограниченность своего героя, скорее, в том, что атмосфера чистой мысли, в которую он погружен, приводит Рудина к излишнему рационализму эмоциональной жизни и недооценке чувств людей, которые ему доверяют или любят его. Признавая важное значение интеллектуальной составляющей мировосприятия Рудина, Тургенев уже в своем первом романе стремится понять ту иррациональную стихию чувств, которая с каждым новым произведением будет все больше вторгаться в судьбы его героев.

Ключевые слова: философия Гегеля, мировосприятие героя, концепты языковой личности Рудина, авторская философская рефлексия.

N. V. Volodina

Turgenev's Rudin as a philosophizing character

In I. Turgenev's novel «Rudin» a defining characteristic of the author's literary work is revealed: appealing to definite philosophical systems presented in his literary works implicitly – on the level of the author's intent, and which become open only in particular cases. It becomes possible preeminently in an utterance of a character whose reasoning on metaphysical issues is the result of special education, a characteristic of the mind and a mode of expression. It is in this aspect the article focuses on the protagonist of I. Turgenev's first novel Dmitry Rudin. The main objectives of the paper are defining the role of philosophical knowledge in Rudin's personality formation and inner connections of the author's philosophical intent and «direct» philosophical position of the character. To carry out these objectives it was necessary to consider the ideas and methodology of M. Bakhtin's philosophical esthetics in the context of historical and literary research. The article discusses Hegel's philosophy influence on Rudin's worldview and his type of behavior. Turgenev's appeal to a famous German philosopher's school of thought is connected with the role of this school of thought in his own life. A course of lectures attended by the writer at Berlin University contributed to serious studies of Hegel's philosophy and interest to his scientific method. However, by the time of writing the novel Turgenev's attitude to the philosophical idol of his youth is generally critical. That determined the ambiguity of the author's position in characterization of the protagonist's worldview, formed preeminently by the speculative philosophy spectrum of ideas. Key concepts of Rudin's linguistic persona are «truth» and «ideal», expressing inner, spiritual search of this character. Turgenev sees inner limitation of his character rather in the fact that the atmosphere of pure thought where his is, brings

Rudin to excessive rationalism of emotional life and undervaluation of feelings of those people who trust him and love him. Admitting the important meaning of the intellectual component of Rudin's worldview, even in his first novel Turgenev tries to understand that irrational power of feelings that will break into his characters' fates more and more with each new novel.

Key words: Hegel's philosophy, character's worldview, concepts of Rudin's linguistic persona, author's philosophical reflection.

Современные исследователи творчества И. С. Тургенева проявляют повышенный интерес к философской природе его произведений, рассматривая ее на уровне художественной концепции бытия, героя, жанровой специфики и др. [см., напр.: Нохейль, 1999; Ребель, 2010, 2018; Тиме, 2011; Головкин, 2019]. Согласно их наблюдениям в круг хорошо знакомых Тургеневу философских систем входили античные философы, Паскаль, Кант, Шеллинг, Гегель, Фихте, Фейербах, Шопенгауэр. Однако, как справедливо отметил А. И. Батюто в своей известной работе о романах Тургенева, опубликованной еще в 1972-ом году, «в качестве “руководства к действию” Тургенев не приемлет ни одной философской системы. Эти последние неизменно оказываются несостоятельны, особенно в своих конечных выводах, всякий раз, когда он приступает к изображению глубинных душевных движений своих героев» [Батюто, 1972, с. 162]. Г. А. Тиме, всесторонне исследуя философские взгляды Тургенева, приходит к выводу, что они находили в творчестве писателя «лишь опосредованное, глубинное выражение» [Тиме, 2011, с. 173]. Г. М. Ребель, анализируя специфику философского осмысления бытия в творчестве Тургенева, говорит о том, что писатель «однозначно отрицательно относился к „специальному“, отдельному философствованию в рамках искусства» [Ребель, 2010]. Очевидно, единственной ситуацией, когда это «открытое» философствование становится возможным, является высказывание героя, для которого рассуждения по поводу метафизических вопросов является результатом специального образования, свойством ума и способом самовыражения.

Среди действующих лиц романов И. С. Тургенева особый интерес в этом плане представляет главный герой первого романа писателя – Дмитрий Николаевич Рудин. Оценка этого персонажа, начиная с работ критиков середины XIX века, включала в себя обозначение философской составляющей в мировоззрении Рудина, однако практически не становилась предметом специального рассмотрения. Целостный анализ образа этого героя не исключает возможности «избирательного зрения», которое позволяет сфокуси-

роваться на конкретной, причем, доминирующей особенности мировосприятия Рудина, определяющей его самооценку, поступки, взаимоотношения с людьми.

Рассматривая Рудина в заявленном аспекте – как «философствующего героя» – необходимо учитывать тот эффект авторского присутствия, общие законы которого были определены М. М. Бахтиным: «Сознание автора есть сознание сознания, то есть объемлющее сознание героя и его мир сознание» [Бахтин, 1979, с. 14]. В романе «Рудин» это определяет сложный внутренний синтез авторской философской интенции и «непосредственной» (как бы отделенной от автора) философской позиции его героя, в результате чего возникает целый спектр смыслов: диалогических, полемических, совпадающих между собой. Пониманию этих смыслов, присутствующих внутри текста, способствует привлечение биографических фактов, связанных с кругом философских знаний, идей самого писателя, а также культурно-исторического контекста, проясняющего характер мышления и тип личности Рудина.

Тургенев уже в первой главе романа лаконично говорит об учебе и образовании Рудина. После окончания Московского университета он год провёл в Гейдельберге, затем год слушал лекции в Берлинском университете. Учитывая хронологию событий романа, можно предположить, что Рудин находился в Германии в конце 1830-х годов, примерно в то же время, что и сам автор произведения. Тургенев учился в Берлинском университете с мая 1838-го до мая 1841-го года, на короткое время возвращаясь в Россию. Он изучал в Берлине философию, являясь в этот период убежденным гегельянцем. Его любимым университетским преподавателем был последователь Г. В. Ф. Гегеля, профессор Карл Вердер, у которого Тургенев брал еще и частные уроки.

Увлеченность гегелевской метафизикой, как известно, была в этот период буквально «поколенческой» чертой. Н. В. Станкевич, чуть раньше Тургенева слушавший лекции Вердера, пишет друзьям в Москву (29 октября 1837 года): «Опять полное доверие к Гегелю, – опять стремление к истине» [Станкевич, 1982]. М. Н. Катков в пись-

мах редактору «Отечественных записок» рассказывает о реакции на лекции Вердера «многочисленных слушателей», которые «всякий раз выходили с его лекций потрясенные, восторженные, проникнутые святынею [...]» [Катков, 1841]. Сам Тургенев в письме Т. Н. Грановскому (от 20-го июня 1839-го года) говорит не только о впечатлении от лекций Вердера, но и об их содержании: «Кстати. Вердер дошел до Grund (основание) в отделении о Wesen (сущности) – и я могу сказать, что я изведаль хоть l'avant-gout (предвкушение) того, что он называет – die spekulativen Freuden (умозрительные радости). Вы не поверите, с каким жадным интересом слушаю я его чтения, как томительно хочется мне достигнуть цели, как мне досадно и вместе радостно, когда всякий раз земля, на которой думаешь стоять твердо, проваливается под ногами [...]. Я думаю, все эти ощущения Вам знакомы» [Тургенев, 1982, с. 143].

Герой романа Тургенева, Рудин, не говорит непосредственно об университетских занятиях, их содержании (для этого у него нет собеседника) и упоминает лишь об атмосфере студенческой жизни в Германии: «наши сходки, наши серенады...» [Тургенев, 1980, с. 229] (серенады в честь профессоров), – однако ее влияние стало для Рудина решающим. Он и по возвращении в Россию оказывается погружен в немецкую романтическую культуру: «германскую поэзию, в германский романтический и философский мир» [Тургенев, 1980, с. 249]. Образованность Рудина, высокий уровень его внутреннего развития определяют его особое положение по сравнению с ведущими героями литературы предшествующего периода. Д. Н. Овсянко – Куликовский, сопоставляя Рудина с Онегиным и Печориным, видит его преимущество перед ними в том, что Рудин «живет умственной жизнью века, он стоит на уровне современного движения умов в Европе» [Овсянко – Куликовский, 1989, с. 147].

Сознание Рудина включает в себя, прежде всего, мир философских идей: чужих, но освоенных и пережитых им. У него философский склад ума, проявляющийся в способности к абстрагированию, диалектическому мышлению, умению отыскивать общность внешне не связанных между собой явлений. Бывший университетский товарищ Рудина, Михаил Михайлович Лежнев, которому Тургенев отдает наиболее важные характеристики своего героя, вспоминает о том, что это свойство его ума проявилось уже в период их общения в студенческом кружке: «[...] он прочел немного, но читал он философские книги, и голова у него

была так устроена, что он тотчас же из прочитанного извлекал все общее, хватался за самый корень дела и уже потом проводил от него во все стороны светлые, правильные нити мысли [...]» [Тургенев, 1980, с. 256].

Исследователи, как правило, отмечают важную роль, которую сыграл в судьбе героя кружок, куда входили студенты Московского университета [см., напр.: Бялый, 1962; Габель, 1967; Винникова, 1968; Пустовойт, 1987; Маркович, 2008; др.]. Действительно, в романе «Рудин» (в отличие от «Гамлета Щигровского уезда») кружок предстает как в высшей степени «идеальное» дружеское общение, где молодежь с увлечением, едва ли не восторгом, говорила «о Боге, о правде, о будущности человечества, о поэзии» [Тургенев, 1980, с. 257]; рассуждала о «философии, искусстве, науке», наконец, «самой жизни» [Тургенев, 1980, с. 256]. При этом важно отметить не только влияние кружка на формирование мировосприятия тургеневского героя, но и заметную роль самого Рудина в этом кружке, что признает и Лежнев, несмотря на упоминание тех качеств своего университетского приятеля, которые и сейчас вызывают у него неприятие или иронию. Из рассказа Лежнева становится ясно, что уже тогда Рудин был настроен на особый тип книжной культуры, умел наполнять живым смыслом абстрактные философские понятия; и потому для его собеседников «ничего не оставалось бессмысленным, случайным: во всем высказывалась разумная необходимость и красота» [Тургенев, 1980, с. 256]. В словах Лежнева, несомненно, звучит отзвук гегелевских идей, развиваемых Рудиным. Впечатление, которое производило на слушателей его «слово», усиливалось и самим способом передачи этого «слова»: «мастерски, увлекательно», хотя и «не совсем ясно» [Тургенев, 1980, с. 229].

О характере мировосприятия и образованности Рудина позволяет судить, прежде всего, языковой дискурс героя: его монологи и участие в диалогах и полемике; косвенная, несобственно-прямая речь персонажа и его письменная речь (в романе есть письма Рудина к Волынцеву и Наталье). Высказывание – основной способ самовыражения Рудина, ибо ему всегда необходим даже не столько собеседник, сколько слушатель, адресат. Доминантой языковой личности Рудина является тезаурусный уровень, включающий в себя обобщенные понятия и идеи. Согласно М. М. Бахтину, «говорящий человек в романе всегда в той или иной степени идеолог, а его слова всегда идеологема», связанная «с особой точкой зрения на мир»

[Бахтин, 1975, с. 146]. По отношению к Рудину это суждение имеет принципиальное значение, ибо Рудин, прежде всего, «говорящий человек», сосредоточенный на сфере идей, мыслей. Г. М. Ребель считает, что именно Тургенев – «родоначальник идеологического романа в русской литературе, именно он первым поставил в центр произведения героя – идеолога и сделал идеологическую проблематику одной из важнейших пружинок сюжетного действия» [Ребель, 2018, с. 8].

Ключевые философские концепты, которые имеют для Рудина особое значение, – «истина» и «идеал»; более частные – «системы», «факты», «прогресс», «свобода». Рядом с ними возникают этические категории: «самолюбие», «себялюбие», «эгоизм», – приобретающие в его рассуждениях нравственно – философский смысл. Отметим, что концепт «истина» является одной из констант художественной философии Тургенева. Не случайно «служение истине», как справедливо отмечает В. М. Головкин, «объединяет Дон-Кихота и Гамлетта» [Головкин, 2019, с. 57] – двух главных, с точки зрения писателя, общечеловеческих типов.

Основные дискурсы, в которых существует понятие «истины», – это наука и религия. «Истина» как универсалия культуры присутствует уже в Ветхом и Новом Завете. К понятию «истины» обращалась античная философия, а затем оно осмысливалось практически всеми европейскими философскими системами. «Истина» является фундаментальной категорией гегелевской философии, значение которой он подчеркивал и в лекциях для студентов. Так, в речи, произнесенной им «при открытии чтений в Берлине 22 октября 1818 г.», он напутствует своих слушателей следующим образом: «Самая серьезная потребность есть потребность познания истины» [Гегель, 1974, с. 81]. При этом в определении истины знаменитым немецким философом главным оказывается сакральный смысл: «Бог, и только он один, есть истина» [Гегель, 1974, с. 84].

Подобные идеи и суждения, несомненно, слышали Тургенев и его герой в университетских курсах, хотя истина, и безотносительно к немецкой философии, являлась для поколения 1830–40-х годов ключевым нравственно-философским понятием. Поиск ее был для интеллигенции этой эпохи осознанной целью, артикулируемой и вместе с тем бесконечно сложной для понимания. Приведем характерное суждение В. Г. Белинского: «Царство истины есть обетованная земля, и путь к ней – аравийская пустыня» [Белинский, 1978, с. 119]. Тургенев в письме М. А. Бакунину и

А. П. Ефремову от 8 сентября 1840-го года (период его учебы в Германии) говорит о роли в его жизни Н. Станкевича: «Как я жадно внимал ему, я, предназначенный быть последним его товарищем, которого он посвящал в служение Истине своим примером, Поэзией своей жизни, своих речей!» [Тургенев, 1982, с. 163]. Романтическая стилистика этого письма вполне выражает романтическое мировосприятие Тургенева этого периода. Много позднее герой незаконченной повести И. С. Тургенева «Довольно» (1865), близкий автору, говорит в своих «записках», что о «полной истине» и «помину быть не может» и что лишь ее малая часть «нам доступна» [Тургенев, 1981, с. 226]. Однако в герое своего первого романа Тургенев сохранил это юношеское поклонение истине, даже когда период юности для Рудина давно миновал.

Слово «истина» звучит в речи этого персонажа уже в момент его первого появления в романе – в гостинице Дарьи Михайловны Ласунской. Рисуя эту сцену, Тургенев приводит его диалог с местным помещиком Пигасовым. Возражая ему, Рудин противопоставляет «удовлетворение своего самолюбия желанию быть и жить в истине...» [Тургенев, 1980, с. 226]. Рудину не удастся продолжить рассуждения на эту тему (на это указывает многоточие в конце его реплики), ибо его тут же перебивает Пигасов. Наивно – безапелляционным выпадам своего оппонента («Я спрашиваю: где истина? Даже философы не знают, что она такое. Кант говорит, вот она, мол, что; а Гегель – нет, врешь, она вот что») [Тургенев, 1980, с. 227] Рудин возражает короткой репликой: «А вы знаете, что говорит о ней Гегель?» [Тургенев, 1980, с. 227]. Сам характер, предмет этого разговора, заданный Рудиным, оказывается абсолютно неожиданным для общества, собравшегося в гостинице Дарьи Михайловны Ласунской. Как пишет В. М. Маркович, «в атмосферу обычных житейских разговоров и занятий внезапно вторгается пророк-энтузиаст и возвещает великие истины, придающие каждому мгновению жизни метафизический смысл» [Маркович, 2008, с. 140]. Контекст употребления Рудиным этого понятия позволяет предположить, что критерием истины для него, очевидно, является знание, ибо Рудин больше всего говорит именно о его значении, как и роли образования. Религиозный характер гегелевской метафизики ни сейчас, ни позднее практически не отражается в рассуждениях героя, как и чрезвычайно важная в связи с этим проблема соотношения знания и веры.

Категория «истины» является для Рудина предметом отвлеченных рассуждений, осмысленным в рамках спекулятивной философии, не требовавшей обращения к опыту, практике. «Спекулятивная философия, – поясняет Гегель, – есть сознание идеи, воспринимающее все как идею; идея же есть истинное в мысли, а не только в созерцании или в представлении» [Гегель, 1976, с. 221]. Вместе с тем сама способность Рудина рассуждать по поводу того, что такое истина: увлеченно, с опорой на опыт книжного знания – уже в университетский период покоряла его слушателей, о чем вспоминает Лежнев: «Попытайтесь сказать молодежи, что вы не можете дать ей полной истины, потому что сами не владеете ею... молодежь вас и слушать не станет. Но обмануть вы ее тоже не можете. Надобно, чтобы вы сами хотя наполовину верили, что обладаете истиной... Оттого-то Рудин и действовал так сильно на нашего брата» [Тургенев, 1980, с. 256]. В свою последнюю встречу с Рудиным, уже постаревшим, одиноким и, по сути, бездомным человеком, Лежнев «подтверждает» верность Рудина идеалам своей молодости: «[...] огонь любви к истине в тебе горит, и, видно, несмотря на все твои дразги, он горит в тебе сильнее, чем во многих» [Тургенев, 1980, с. 320].

Вместе с тем сосредоточенность Рудина на сфере идей, поисках метафизической истины не дает ему внутреннего удовлетворения, уверенности в том, что ему удалось реализовать собственные возможности, идеи и идеалы. Сошлемся на суждения известного отечественного философа и психолога начала XX века, М. М. Рубинштейна, который говорит о том, что в силу национальной специфики и сложившихся исторических обстоятельств русская интеллигенция всегда была настроена на прикладной характер философского знания, что она не могла руководствоваться «чистым самодовлеющим стремлением к знанию ради него самого, к истине ради истины» [Рубинштейн, 2008, с. 214].

Эта коренная проблема русской интеллигенции была хорошо знакома и понятна Тургеневу по собственному душевному опыту, осмысленному в юности с помощью философских категорий. В цитируемом выше письме Т. Н. Грановскому (Берлин, 20 июня 1839-го г.) звучит следующее признание писателя: «[...] недавно пришла мне в голову мысль – я занимался наблюдениями над собственным характером – что «von lauter Werden komm' Ich ...» (из-за постоянных дум, самокопания, размышлений о себе, своей личности – пере-

вод мой – Н. В.) я не могу перейти к делу» [Тургенев, 1982, с. 143]. Тургенев не объясняет, что именно могло бы стать для него таким делом, но его творческая судьба определила характер этой деятельности.

Рудина часто тревожит мысль о несостоявшейся собственной жизни, ибо он искренне стремится быть полезным, понимая пользу как внешне ощутимый результат внутренних поисков и убеждений. В прощальном письме к Наталье он с горечью замечает: «Боже мой! В тридцать пять лет все еще собираться что-нибудь сделать!» [Тургенев, 1980, с. 293]. Однако попытки Рудина заняться «реальной» деятельностью: агрономические преобразования в усадьбе нового приятеля – богатого помещика; фантастический проект превращения реки в К...кой губернии в судоходную, опыт преподавания в гимназии – терпят крах. Ему так и не удается стать, как он сам говорит, «деловым человеком, практическим» [Тургенев, 1980, с. 344].

Рудин, по сути, живет в сфере чистой мысли, определяющей характер его поступков, общения с людьми. Все остальное является для него вторичным: материальное благополучие, любовь, внешняя деятельность. Последствия такого мировосприятия оказываются неоднозначными как для самого Рудина, так и для других. Он не заботится о собственном имущественном положении, «выбрав» себе судьбу бесприютного скитальца. Все его влюбленности носят отвлеченный характер, ибо о любви он судит, тоже руководствуясь отвлеченной логикой; «путь в стихию чувств, – как отмечает Л. М. Лотман, – для него закрыт» [Лотман, 1974, с. 14]. Так, Рудин, не желая того, разрушил отношения Лежнева (в студенческий период) с его возлюбленной, растолковывая им характер их чувств и едва ли не предлагая программу поведения. Комический эпизод с француженкой – модисткой, которой он во время свидания говорит о Гегеле, – частное свидетельство абсолютного непонимания реальности. Даже в том, что он влюблен в Наталью, Рудин как будто бы убеждает себя. Сергей Волынцев, глубоко любящий Наталью и, естественно, воспринимающий Рудина как соперника, не может понять и принять его стремления к логическому объяснению того, что этому плохо поддается, – эмоций и чувств. В порыве раздражения после визита Рудина (тот поведал об их взаимной любви с Натальей) Волынцев задает своему приятелю, Лежневу вопрос: «Да скажи мне, брат, ради Бога, ... что это такое, философия, что ли?» [Тургенев, 1980, с. 275]. На что Лежнев, хорошо понимающий, что такое философия, отве-

чает: «Как тебе сказать? С одной стороны, пожалуй, это точно философия – а с другой, уж совсем не то. На философию сваливать всякий вздор тоже не приходится» [Тургенев, 1980, с. 275].

Полуироничная реплика Лежнева звучит здесь в защиту философии, но не Рудина. Однако в эпилоге романа Лежнев вполне серьезно высказывает свои соображения по поводу того, почему философия (он имеет в виду, конечно, спекулятивную философию) не может претендовать в России на ведущую роль в формировании общественного сознания: «Философические хитросплетения и бредни никогда не привьются к русскому уму: на это у него слишком много здравого смысла» [Тургенев, 1980, с. 304]. Это суждение Лежнева, очевидно, передает и авторскую мысль. Г. А. Тиме отмечает, что Тургенев подчеркивал «неспособность (свою личную и как бы русского человека вообще) „мыслить отвлеченно, чисто, на немецкий манер”» [Тиме, 2011, с. 64].

Вместе с тем именно просветительские способности и возможности Рудина, сформированные, прежде всего, философским знанием, – главный способ его самореализации, как и влияния на других. В начале романного действия Лежнев говорит, что слова Рудина «так и останутся словами и никогда не станут поступком» [Тургенев, 1980, с. 252]. Лежнев в данном случае имеет в виду возможность общественно полезного дела, которое можно рассматривать как поступок. Однако по прошествии двух лет с момента основных событий Лежнев переоценивает поведение и личность Рудина, понимая ее истинное значение. Теперь он защищает Рудина от поверхностных обвинений: «[...] но кто вправе сказать, что он не принесет, не принес уже пользы? Что его слова не заронили много добрых семян в молодые души, которым природа не отказала, как ему, в силе деятельности, в умении исполнять собственные замыслы?» [Тургенев, 1980, с. 304]. Позднее он повторит это уже самому Рудину, убеждая его в том, что «доброе слово – тоже дело» [Тургенев, 1980, с. 319]. И если в начале романа Лежнев является оппонентом Рудина, то в эпилоге он, скорее, его единомышленник. Сошлемся на философскую концепцию М. М. Бахтина, который в качестве поступка рассматривает «каждое движение, жест, переживание, мысль, чувство» [Бахтин, 1986]. В этот ряд может быть включено и слово. Именно слово в структуре личности Рудина является главным его поступком. И если в сфере личных отношений оно оказывается обесцененным его

поведением, то его «просветительское» слово обладает действенной и благотворной силой.

Ко времени написания своего первого романа Тургенев относился к собственному юношескому философскому опыту уже с большой долей скептицизма. Он подкреплялся кризисом гегелевских идей как в Германии, так и в России. Однако с их преодолением писателем исчез не только юношеский энтузиазм, но и пошатнулась его вера в разумность хода вещей, «абсолютную истину», замену которым Тургеневу оказалось сложно найти. Как отмечает В. Зеньковский, «это, конечно, не пессимизм (как часто характеризуют мировоззрение Тургенева), это есть трагическая установка духа» [Зеньковский, 2008]. В этом смысле герой его первого романа, критически воспринимающий собственную жизнь, но не свои юношеские идеалы, оказался «счастливее» своего автора.

Библиографический список

1. Батюто А. И. Тургенев – романист. Ленинград : Наука, 1972. 389 с.
2. Бахтин М. М. Слово в романе // М. М. Бахтин. Вопросы литературы и эстетики. Москва : Худож. литер-ра, 1975. С. 72–233.
3. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества. Москва : Искусство, 1979. С. 7–180.
4. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник 1984–1985. Москва, 1986. С. 80–160. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/postupok3.html> (дата обращения: 10.10. 2019).
5. Белинский В. Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова // Белинский В. Г. Собр. соч. : в 9 т. Москва : Худож. литер-ра, 1978. Т. 3. С. 78–150.
6. Бялый Г. А. Тургенев и русский реализм. Москва : Советский писатель, 1962. 246 с.
7. Винникова Г. Э. Тургенев и Россия. Москва : Советская Россия, 1977. 448 с.
8. Габель М. О. Творческая история романа «Рудин» // Лит. наследство. Москва : Наука, 1967. Т. 76. С. 9–70.
9. Гегель Г. В. Ф. Речь Гегеля, произнесенная им при открытии чтений в Берлине 22 октября 1818 г. // Г. В. Ф. Гегель. Энциклопедия философских наук: в 5 т. Москва : Мысль, 1974. Т. 1. С. 79–83.
10. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии религии // Г. В. Ф. Гегель. Философия религии: в 2 т. Москва : Мысль, 1976. Т. 1. С. 205–530.
11. Гегель Г. В. Ф. Введение // Г. В. Ф. Гегель. Энциклопедия философских наук: в 2 т. Москва : Мысль, 1974. Т. 1. С. 84–106.
12. Головкин В. М. И. С. Тургенев: искусство художественного философствования. Москва : Флинта, 2019. 343 с.
13. Зеньковский В. В. Мирозерцание

И. С. Тургенева: к 75-летию со дня смерти // Зеньковский В. В. Собр. соч.: в 2 т. Москва : Русский путь. Т. 1, 2008. 448 с. URL: <http://www.rp-net.ru/book/articles/bogoslovie/zn-turgenev.php> (дата обращения: 22.09. 2019).

14. Катков М. Н. Берлинские новости (Из письма редактору «Отечественных записок») // Отечественные записки. 1841. Т. 16. № 5, 6. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_berlinslie_novost_i.html (дата обращения: 15.06.2019).

15. Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. Ленинград : Наука, 1974. 349 с.

16. Маркович В. М. Человек в романах И. С. Тургенева // Маркович В. М. Избранные работы. Санкт-Петербург : Ломоносов, 2008. 319 с.

17. Нохейль Р. И. С. Тургенев – писатель-философ // Тургениана : сб. ст. и мат-лов. Вып. II-III / под ред. Г. Б. Курляндской. Орёл, 1999. С. 24–26. URL: www.turgenev.org.ru/e-book/filosof.htm (дата обращения: 22.11. 2019).

18. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Из истории русской интеллигенции // Овсяннико-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы: в 2 т. Москва : Худож. литер-ра, 1989. Т. 2. С. 4–305.

19. Пустовойт П. Г. И. С. Тургенев – художник слова. Москва : изд-во Московского ун-та, 1987. 302 с.

20. Ребель Г. М. Тургенев в русской культуре. Москва : Нестор-История, 2018. 376 с.

21. Ребель Г. М. «Бьющаяся в плену мысль – печальное зрелище!». Философия в оценках и в творчестве И. С. Тургенева // Филолог. 2010. № 10. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_10_19_5 (дата обращения: 22.09. 2019).

22. Рубинштейн М. М. О смысле жизни. Труды по философии ценности, теории образования и университетскому вопросу. Москва : изд. дом «Территория будущего», 2008. Т. 2. 376 с.

23. Станкевич Н. В. Из переписки. Москва : Совет. Россия, 1982. 222 с. URL: http://az.lib.ru/s/stankewich_n_w/text_0090.shtml (дата обращения: 12.12. 2019).

24. Тиме Г. А. Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2011. 456 с.

25. Тургенев И. С. Письма из Берлина // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Москва : Наука, 1978. Сочинения. Т. 1. С. 291–296.

26. Тургенев И. С. Рудин // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Москва : Наука, 1980. Сочинения. Т. 5. С. 197–324.

27. Тургенев И. С. Довольно // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Москва : Наука, 1981. Сочинения. Т. 7. С. 220–231.

28. Тургенев И. С. Письма // Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Москва : Наука, 1982. Письма. Т. 1. 607 с.

Reference List

1. Batjuto A. I. Turgenev – romanist = Turgenev – novelist. Leningrad : Nauka, 1972. 389 s.

2. Bahtin M. M. Slovo v romane = A word in the novel // M. M. Bahtin. Voprosy literatury i jestetiki. Moskva : Hudozh. liter-ra, 1975. S. 72–233.

3. Bahtin M. M. Avtor i geroj v jesteticheskoj dejatel'nosti = The author and hero in aesthetic activity // M. M. Bahtin. Jestetika slovesnogo tvorcestva. Moskva : Iskusstvo, 1979. S. 7–180.

4. Bahtin M. M. K filosofii postupka = To the philosophy of an act // Filosofija i sociologija nauki i tehniki. Ezhegodnik 1984–1985. Moskva, 1986. S.80–160. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/postupok3.html> (data obrashhenija: 10.10. 2019).

5. Belinskij V. G. Geroj nashego vremeni. Sochinenie M. Lermontova = The hero of our time. The work of M. Lermontov // Belinskij V. G. Sobr. soch. : v 9 t. Moskva : Hudozh. liter-ra, 1978. T.3. S. 78–150.

6. Bjalyj G. A. Turgenev i russkij realizm = Turgenev and Russian realism. Moskva : Sovetskij pisatel', 1962. 246 s.

7. Vinnikova G. Je. Turgenev i Rossija = Turgenev and Russia. Moskva : Sovetskaja Rossija, 1977. 448 s.

8. Gabel' M. O. Tvorcheskaja istorija romana «Rudin» = Creative history of the novel «Rudin» // Lit. nasledstvo. Moskva : Nauka, 1967. T. 76. S. 9–70.

9. Gegel' G. V. F. Rech' Gegelja, proiznesennaja im pri otkrytii chtenij v Berline 22 oktjabrja 1818 g. = Hegel's speech, pronounced by him at readings opening in Berlin on the 22 of October 1818 // G. V. F. Gegel'. Jenciklopedija filosofskih nauk: v 5 t. Moskva : Mysl', 1974. T. 1. S. 79–83.

10. Gegel' G. V. F. Lekcii po filosofii religii = Lecturers on the philosophy of religion // G. V. F. Gegel'. Filosofija religii: v 2 t. Moskva : Mysl', 1976. T. 1. S. 205–530.

11. Gegel' G. V. F. Vvedenie = Introduction // G. V. F. Gegel'. Jenciklopedija filosofskih nauk: v 2 t. Moskva : Mysl', 1974. T.1. S. 84–106.

12. Golovko V. M. I. S. Turgenev: iskusstvo hudozhestvennogo filosofstvovanija = I. S. Turgenev : the art of artistic philosophizing. Moskva : Flinta, 2019. 343 s.

13. Zen'kovskij V. V. Mirosozercanie I. S. Turgeneva: k 75-letiju so dnja smerti = I. S. Turgenev's outlook: to the 75-th anniversary from death // Zen'kovskij V. V. Sobr. soch.: v 2 t. Moskva : Russkij put'. T.1, 2008. 448 s. URL: <http://www.rp-net.ru/book/articles/bogoslovie/zn-turgenev.php> (data obrashhenija: 22.09. 2019).

14. Katkov M. N. Berlinskie novosti (Iz pis'ma redaktoru «Otechestvennyh zapisok») = Berlin news (From the letter to an editor of «Domestic notes») // Otechestvennye zapiski. 1841. T.16. № 5, 6. URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_berlinslie_novost_i.html (data obrashhenija: 15.06.2019).

15. Lotman L. M. Realizm russkoj literatury 60-h godov XIX veka = The realism of Russian literature of the 60-s of XIX c. Leningrad : Nauka, 1974. 349 s.

16. Markovich V. M. Chelovek v romanah I. S. Turgeneva = A man in I.S. Turgenev's novels // Markovich V. M. Izbrannye raboty. Sankt-Peterburg : Lomonosov, 2008. 319 s.
17. Nohejl' R. I. S. Turgenev – pisatel'-filosof = I. S. Turgenev – a writer-philosopher // Turgeniana : sb. st. i mat-lov. Vyp. II-III / pod red. G. B. Kurljandskoj. Orjol, 1999. S. 24–26. URL: www.turgenev.org.ru/e-book/filosof.htm (data obrashhenija: 22.11. 2019).
18. Ovsjaniko-Kulikovskij D. N. Iz istorii russkoj intelligencii = From the history of Russian intelligentsia // Ovsjaniko-Kulikovskij D. N. Literaturno-kriticheskie raboty: v 2 t. Moskva : Hudozh. liter-ra, 1989. T. 2. S. 4–305.
19. Pustovojt P. G. I. S. Turgenev – hudozhnik slova = I. S. Turgenev – the artist of the word. Moskva : izd-vo Moskovskogo un-ta, 1987. 302 s.
20. Rebel' G. M. Turgenev v russkoj kul'ture = Turgenev in the Russian culture. Moskva : Nestor-Istorija, 2018. 376 s.
21. Rebel' G. M. «B'jushhajasja v plenu mysl' – pechal'noe zrelishe!». Filosofija v ocenkah i v tvorcestve I.S. Turgeneva = «A thought in captive – a sad view!» Philosophy in the appraisal and creative work of I.S. Turgenev // Filolog. 2010. № 10. URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_10_195 (data obrashhenija: 22.09. 2019).
22. Rubinshtejn M. M. O smysle zhizni. Trudy po filosofii cennosti, teorii obrazovanija i universitetskomu voprosu = About the sense of life. Works on philosophy of value, theory of education and the question of university. Moskva : izd. dom «Territorija budushhego», 2008. T. 2. 376 s.
23. Stankevich N. V. Iz perezpiski = From correspondence. Moskva : Sovet. Rossija, 1982. 222 s. URL: http://az.lib.ru/s/stankewich_n_w/text_0090.shtml (data obrashhenija: 12.12. 2019).
24. Time G. A. Rossija i Germanija: filosofskij diskurs v russkoj literature = Russia and Germany: philosophy discourse in the Russian literature. Sankt-Peterburg : Nestor-Istorija, 2011. 456 s.
25. Turgenev I. S. Pis'ma iz Berlina = Letters from Berlin // Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Moskva : Nauka, 1978. Sochinenija. T. 1. S. 291–296.
26. Turgenev I. S. Rudin = Rudin // Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Moskva : Nauka, 1980. Sochinenija. T. 5. S. 197–324.
27. Turgenev I. S. Dovol'no = Enough // Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Moskva : Nauka, 1981. Sochinenija. T. 7. S. 220–231.
28. Turgenev I. S. Pis'ma = Letters // Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 t. Moskva : Nauka, 1982. Pis'ma. T. 1. 607 s.